

ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ

Т.А. Вархотов*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ**

В статье анализируются возможности рецепции деятельностного подхода в методологии общественных наук. Проводится реконструкция методологического содержания деятельностного подхода и концепта «деятельность» в том виде, как он сложился в советской психологии в работах Л.С. Выготского и П.Я. Гальперина. Обозначены особенности актуальной рецепции деятельностного подхода в России и за рубежом и основные траектории для реализации его потенциала в современных науках о человеке и обществе.

Ключевые слова: методология, философия науки, деятельность, деятельностный подход, общественные науки, психология.

T. A. V a r k h o t o v. Methodological potential of the “activity approach” in social sciences

The article is devoted to the possibilities of using the activity approach in the methodology of the social sciences. The author reconstructs the methodological content of the activity approach and of ‘activity’ concept in the form in which they were developed in Soviet psychology in the works of L.S. Vygotsky and P.Y. Halperin. The author draws attention to the features of activity approach’s current perception in Russia and abroad, and outlines the paths for the realization of its potential in the modern sciences of man and society.

Key words: methodology, philosophy of science, activity, activity approach, social sciences, psychology.

Общественные науки в методологическом отношении всегда были «золушкой» роскошного здания науки Нового времени. Интеллектуальная культура, ядром которой стали экспериментализм, математизация и редуктивное объяснение, с одной стороны, впервые в истории сделала возможной «социальную физику» и проект строгого, «научного» изучения коллективной человеческой дей-

* *Вархотов Тарас Александрович* — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: 8 (495) 939-24-09; *e-mail:* varkhotov@gmail.com

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Трансформация российского философского сообщества во второй половине XX — начале XXI века» (проект № 12-03-00562a).

ствительности, а с другой — с самого начала поставила появившиеся таким образом «общественные науки» в крайне неудобное положение. Эти науки не могли, с одной стороны, опереться на многовековую историю и глубокие доннаучные корни гуманитарных наук, обживших университеты еще на стадии их появления, задолго до рождения опытно-экспериментального естествознания, а с другой — похвастаться той строгостью, точностью и ясностью, которыми отличались науки естественные.

В результате, когда на рубеже XIX–XX вв. разгорелся спор об обосновании «неестественных» наук¹, общественные науки оказались в двусмысленном положении. Как пишет об этом Э. Валлерстайн, «развивавшиеся экономика, социология и политология откровенно рядились в мантию “общественных наук”, присваивая методы и почет торжествующего естествознания (что нередко, заметим в скобках, вызывало то презрение, то отчаяние естествоиспытателей). Эти обществоведческие дисциплины считали себя номотетическими, пытаясь открыть универсальные законы и сознательно стараясь организовать себя по образцу физики (насколько это возможно). Они, разумеется, вынуждены были признать, что качество их данных и убедительность (обоснованность) их “теорем” далеко не достигали того уровня, на котором работали их коллеги-физики, но они вызываяще излучали оптимизм относительно грядущего роста своих научных возможностей» [Э. Валлерстайн, 2003, с. 277].

Этот оптимизм до сих пор порождает серьезные споры, вызванные тем, что, несмотря на прилагаемые усилия, обществоведческие дисциплины пока не достигли той автономии и прагматической (экономической) эффективности собственного предметно-методологического поля, которой уже давно располагает естествознание. По меткому выражению П. Бурдьё, от социальных наук общество может ждать «разве что — в лучшем случае — чрезвычайно дорогостоящего вклада в легитимацию установленного порядка и в укрепление арсенала символических инструментов доминирования» [П. Бурдьё, 2005, с. 501; ср.: Э. Валлерстайн, 2003, с. 209].

К началу XXI в. двусмысленность методологического положения общественных наук, стремящихся быть одновременно есте-

¹ Напомним, что В. Дильтей — один из родоначальников дискуссии об обосновании научности дисциплин, лежащих за границами опытно-экспериментального естествознания, — рассматривал *Geisteswissenschaften* («науки о духе») как собирательный термин для всех «наук», не вошедших в относительно монолитный комплекс «наук о природе»: «...при сравнении со всеми другими неподходящими обозначениями, между которыми приходится выбирать, оно оказывается наименее неподходящим» [В. Дильтей, 2000, с. 280].

ственными по методу (количественные измерения и эксперимент) и форме представления результатов (математические модели), но гуманитарными по предмету (человек и общество как небиологические или, точнее, не собственно биологические реальности), привела к очередному витку методологической дискуссии о статусе общественных наук и их отношениях с естествознанием. Участники этого нового этапа старого проекта обоснования общественных наук попытались показать, что представление о жесткой предметно-методологической границе между общественными и естественными науками является заблуждением, основанным на узком и неправильном понимании естествознания, — в действительности же методы общественных наук, по существу, не отличаются от методов естествознания², а различие по предмету и вовсе является идеологическим предрассудком сродни «вульгарному расизму» [Б. Ламур, 2006, с. 354].

Однако, несмотря на амбициозные проекты переконфигурирования предмета общественных наук (например, в рамках акторно-сетевой теории) и устранения базовых дихотомий природное/социальное и люди/нелюди, все же сама возможность построения таких проектов покоится на устойчивости «преодолеваемых» ими дихотомий и «предрассудков». И поэтому, невзирая на обещания отказаться от «общества» как специфического, особенного предмета и развивать подход, утверждающий, что «в социальном порядке нет ничего специфического, что нет никакого социального измерения, никакого “социального контекста”, никакой отдельной области реальности, которой можно было бы навесить этикетку “социальное” или “общество”» [Б. Ламур, 2014, с.15], приходится признать, что для такой постановки проблемы уже требуется все то, чего, согласно автору приведенной цитаты, нет [К. Knorr-Cetina, 1981].

Пара природное/социальное является принадлежащей эпохе Просвещения преемницей более общего и старого противопоставления чувственного (материальное) и сверхчувственного (идеальное), разделенных по способу доступа (опытное/интеллектуальное). Дихотомия материальное/идеальное, в интеллектуальной культуре Нового времени идущая от картезианского разделения протяженной (физическая) и непротяженной (ментальная) субстанций, является едва ли не самым страшным эпистемологическим проклятием наук о человеке, имеющих дело преимущественно с комплексными предметностями, которые невозможно без существенных искажений

² См., например, дискуссию о мысленных экспериментах и моделировании экономической теории и эпистемологии общественных наук [N. Cartwright, 1995; M. Morgan, 2005; The economic world view, 2001].

отнести либо к «идеальным», либо к «материальным». Большинство объектов этой дисциплинарной группы непосредственно связано с человеком, который и является наиболее «странным» для картезианского дуализма объектом [Т.А. Варховтов, 2007]. Поскольку человеческое тело является данным в чувственном опыте объектом, оно автоматически исключается из числа ментальных объектов, в результате чего возникает либо сложность с объяснением того, как это тело может совершать «умные» действия без непосредственного участия сознания (проблема бихевиоризма), либо принципиально неясным оказывается вопрос о том, как «умная» психика сообщается с телесным механизмом. В любом случае, либо поведение, либо сознание оказываются в роли «черного ящика».

Хотя обозначенный выше набор узловых проблем методологии общественных наук активно обсуждается уже не менее 100 лет, принципиальных изменений на эпистемологическом уровне, по существу, так и не произошло: мы по-прежнему выбираем между элиминативизмом (моделями «естественно-научного» толка) и понимающим идеализмом (нарративы «старых» гуманитарных наук). При этом «герменевтические» подходы признаются содержательно ценными, но неудовлетворительными по причине принципиального отсутствия строгости и эмпирической надежности и воспроизводимости результатов (т.е., строго говоря, отсутствия метода), из-за чего они не могут порождать жесткие прагматически эффективные модели (в духе математизированной экономической теории). Такое положение дел приводит к их низкой практической эффективности, которая в настоящее время, де факто, измеряется потенциалом математического моделирования — создания различных машин (например, прогностических, как это имеет место в экономике).

С другой стороны, элиминативистские программы, даже в своих наиболее оригинальных и утонченных версиях, как, например, странный герменевтический бихевиоризм Д. Дэннета [D. Dennett, 1991 и его позднейшие работы] или релятивистский неоматериализм Б. Латтура (отказ от «социальных вещей» в пользу «социальных взаимодействий», порождаемых материальными агентами одного порядка, не включающих на уровне собственной онтологии различия социальное/природное) [Б. Латтур, 2014], «социализируют» территорию естественных наук, наделяя их предмет некоторыми традиционными признаками «социального», и вместе с тем оказываются неспособны усмотреть именно то, что в наибольшей степени интересует исследователя «человека». Сколь бы ни был человек животным или даже просто материальной машиной в ряду других,

нас он интересует, в конечном счете, не в этом качестве, а именно с той стороны, с которой его рассматривают непопулярные ввиду несоответствия естественно-научным образцам «герменевтические» подходы. По меткому наблюдению Дж. Сёрля, даже если бы боль действительно была «просто» определенной конфигурацией нейронов (физиологическим состоянием), мы никогда не чувствуем и не переживаем «конфигурацию нейронов» или иной факт нашей физиологической инфраструктуры, мы переживаем именно боль, и именно это наше переживание интересует нас не меньше, чем его нейрофизиологический коррелят [*J. Searle, 1997*]. Психика и сознание являются для нас непосредственными данностями, и никакое элиминирующее доказательство не сможет отменить присутствия и важности этой данности для нас, равно как и того, что именно это присутствие является необходимым условием любого, в том числе и доказывающего его эпифеноменальность исследования.

Таким образом, для методологии социальных наук в равной мере необходимо не только избавиться от жесткости онтологической дихотомии природное/социальное (и здесь можно принять конструктивистскую критику априорной регионализации мира с последующей раздачей отдельным регионам принципиально неравных статусов и проведением жестких предметных границ между науками о природе и науками о духе), но и сохранить качественное своеобразие социального, равно как и базовые данности, описывающие специфически человеческую реальность (психическое, сознание и т.п.).

Решение, полностью удовлетворяющее перечисленным требованиям, было предложено в качестве методологической программы гуманитарных и общественных наук в рамках деятельностного подхода, наиболее полно разработанного представителями советской психологии. Как отмечает В.А. Лекторский, «деятельностный подход в разных своих версиях исторически возник как попытка снять абсолютную дихотомию субъективного и объективного миров», что было сделано с помощью введения новой онтологической категории — деятельности, первоначально выступившей в роли опосредования между ментальным субъектом и материальным объектом [*В.А. Лекторский, 2001, с. 85, 77*].

Разработка деятельностного подхода к проблеме человеческой психики (в которой наибольший интерес у нас вызывают высшие психические функции — от представления о них существенным образом зависит весь комплекс наук о человеке) была осуществлена Л.С. Выготским, который первым в истории психологии поставил вопрос о фундаментальной связи языка и мышления в контексте генетической взаимосвязи между деятельностными потребностями

индивида и формированием речи и мышления [Л.С. Выготский, 1999; А.Р. Лурия, 1998; М.Г. Ярошевский, 1996]³.

Суть позиции Л.С. Выготского может быть передана следующим образом. Мышление и речь индивида формируются под воздействием непосредственных практических (первоначально — адаптационных поведенческих) задач, при этом речь оказывает решающее воздействие на формирование мышления, поскольку позволяет индивиду оперировать не только с собственным, но и с культурно-историческим, общесоциальным опытом. Формирование речи идет по пути интериоризации инвариантов структуры его деятельностного поля, при этом индивид приобретает способность оперировать не самими объектами, а знаками этих объектов, способных замещать устойчивые элементы и отношения окружающей действительности.

Во всякий момент своей истории мышление и используемые им орудия подчинены практическим потребностям индивида: «Во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее» [Л.С. Выготский, 1999, с. 19]. Мышление детерминируется речью, развитие которой, в свою очередь, происходит на стыке двух пластов человеческого бытия: индивидуальной деятельности в рамках конкретного практического поля (жизненного мира индивида) и коллективного культурного опыта, зафиксированного во всегда уже существующем языке: так «обнаруживается основной, несомненный и решающий факт — зависимость развития мышления от речи, от средств мышления и от социально-культурного опыта ребенка... Мышление ребенка — так можно было бы сформулировать это положение — развивается в зависимости от овладения социальными средствами мышления, т.е. в зависимости от речи» [там же, с. 108].

В свою очередь сама речь формируется на стыке индивидуального и коллективного опыта. С одной стороны, происходит извлечение и фиксация семантики индивидуального деятельностного поля под воздействием навязываемой культурой через язык категориальной сетки, с другой стороны, сама эта категориальная сетка усваивается и интерпретируется через приобретенный в конкретном

³ Фундаментальное значение Л.С. Выготского, которого С. Тулмен назвал «Моцартом психологии», не только для становления отечественной психологической традиции, но и для научной психологии в целом является признанным фактом, подтвержденным, в том числе, широким интересом к его работам в современной зарубежной психологии (хорошее представление о масштабах и характере интереса к работам Л.С. Выготского, а также о проблемах рецепции его идей за пределами русскоязычной психологии дают: [J. Gillen, 2000; E.S. Lima, 1995], о наличии декларируемых последователей за рубежом см.: [М. Коул, 1997]).

деятельностном поле опыт. Индивидуальная деятельность и зафиксированные в языке ее обобщенные структурные инварианты, определяющие данное социальное сообщество, проникают друг в друга и взаимно определяют друг друга. «Готовый язык», присваиваемый индивидом извне и навязываемый ему сообществом, которое таким образом обеспечивает воспроизводство собственной культурной идентичности, определяет освоение индивидом своей деятельности, но и определяется для возникающего индивидуального сознания этой же самой деятельностью.

Отсюда становятся в равной мере понятными и индивидуальная вариативность семантики одного и того же языка, и воспроизводство языка как средства intersубъективного общения. Наличие расхождений в семантике одного и того же понятия при использовании его разными людьми легко объясняется неполной идентичностью условий формирования этого понятия в мышлении каждого индивида: используя одни и те же исторически сложившиеся маркеры, люди связывают их с неполностью идентичными, хотя и обладающими инвариантностью, объектами. Причем даже в случае одного и того же объекта (простейший случай, когда в роли денотата выступает конкретная вещь, например, арбуз) представления об этом объекте в мышлении двух различных людей будут различными, поскольку их жизненные миры *не тождественны*, и одновременно сходными, поскольку их жизненные миры *подобны*.

Поскольку (и пока) жизненный мир конкретного индивида большей частью подобен жизненному миру многих других принадлежащих к данному сообществу индивидов, постольку опыт каждого из них схож и обладает сходным значением для любого другого. Язык фиксирует структуру этого опыта и позволяет каждому представителю данной культуры осуществлять присвоение непережитого им, «чужого» опыта и использовать его для освоения своего жизненного мира и расширения его границ. При этом само освоение языка возможно потому и только потому, что зафиксированная в нем система значений в конечном счете отражает расширенную структуру деятельностного поля потенциального носителя этого языка и отвечает его потребностям, т.е. обслуживает его деятельность.

Язык хранит деятельностный опыт и служит организации деятельности и управлению ею. Мышление, опосредованное речью, возникает как интериоризация структуры практики и представляет собой переход от оперирования вещами (моторная, телесная деятельность) к управлению знаками вещей (интеллектуальная деятельность), что, в конечном счете, позволяет перейти от наглядно-практического к модельному мышлению, а в плане деятельности перейти от *реактивного поведения* к поведению, ориентированному

на прогнозирование и предсказание, т.е. к *упреждающему поведению*. Как отмечает, рассматривая трактовку Л.С. Выготским проблемы отношения сознания и его физиологического субстрата, М.Г. Ярошевский, «между стимулом и реакцией действуют реалии иного порядка. Они представляют мир интериоризованных внешних движений и потому описываются не в виде функций или процессов нервной ткани, а в виде обретших взамен внешнего внутреннее бытие актов поведения» [М.Г. Ярошевский, 1996, с. 353].

В дальнейшем Выготский пошел по пути исследования зависимости мышления от речи и языка от «общественно исторических» детерминант, что привело к созданию так называемой культурно-исторической школы. К сожалению, сам Выготский предпочел развивать свои исследования в сторону психологии речи и оставил практически полностью без внимания второй намеченный им путь — изучение связи семантического строения языка с деятельностным полем и жизненным миром (мир телесного) индивида.

Резкий крен исследовательского интереса в сторону психологии языка и психологии общения и фактически полный отказ от исследования предметно-практической деятельности послужили даже причиной для упреков в «словоцентризме» и нежелании признания определяющей роли деятельности со стороны учеников Выготского⁴. По всей видимости, упрек этот был не совсем оправдан, поскольку Выготский никогда не отказывался от представления о том, что мышление и психика формируются в процессе практического овладения действительностью. Однако сам Выготский не завершил постройку намечавшейся в его ранних работах «психологической вертикали» (выражение М.Г. Ярошевского), которая объединила бы физиологию с психологией и тем самым решила бы проблему дуализма физического и психического. Хотя Выготский указал на речь как на опосредующее звено между материальным и ментальным планами бытия человека, как на промежуточную между материальной и идеальной форму деятельности, сам он предпочел классическую проблематику *сознания* неклассической проблематике *тела*.

Симптоматично, что в дальнейшем уход от понимания деятельности как реальной предметно-практической, материальной, орудийной деятельности с последующей спиритуализацией и метафизизацией категории деятельности в качестве универсального объяснительного механизма совершил и сам А.Н. Леонтьев, начи-

⁴ Подробное рассмотрение полемики с Л.С. Выготским представителей Харьковской школы и в особенности А.Н. Леонтьева см.: [А.А. Леонтьев, 2001, с. 134–165; А.Б. Орлов, 2003].

навший с критики «словоцентризма» Л.С. Выготского. Именно с отказом Леонтьева учесть в качестве определяющей *предметную орудийную* сторону деятельности и с переходом к представлению о деятельности в первую очередь как о *духовной деятельности* связана острая полемика, развернувшаяся между А.Н. Леонтьевым и П.Я. Гальпериным в конце 1960-х гг.⁵

Между тем деятельностный подход в той форме, в какой его развивал Гальперин, мог бы позволить дополнить теорию формирования высших психических функций Выготского и послужить основанием для развития методологической программы, способной успешно справиться как с дихотомией природное/социальное, так и с сохранением качественного своеобразия базовых данностей предметного поля наук о человеке.

Отправной точкой в теории Гальперина является его трактовка психики. Психика представляет собой «ориентировочную деятельность в плане образа», она является адаптационным инструментом индивида, предназначенным для успешной операционной деятельности в условиях изменяющейся среды [П.Я. Гальперин, 1998, с. 150–191]. В отличие от такого примитивного генетического механизма, как ориентировочный рефлекс, ориентировочная деятельность имеет сложную структуру (мотивационную, операционную части и т.д.) и предполагает наличие психики как средства оперирования образами.

Как тонко замечает Гальперин, «действует не психика, а субъект, который вовсе не духовная субстанция, а особым образом устроенный сложный организм. “Психика” — особая форма деятельности субъекта, его деятельность в плане образа» [там же, с. 218]. Из этого замечания следует ряд принципиальных выводов. Прежде всего, психика представляет собой не просто инструмент, но функцию от деятельности, т.е. деятельность является необходимым условием ее воспроизводства.

Психика надстраивается над деятельностью, обслуживая ее потребности и организуя ее развертывание. С помощью психики субъект оперирует образами и формирует из них модели наличной и желательной ситуации («потребного будущего», в терминологии Н.А. Бернштейна), что делает его ориентировочную систему успешной с точки зрения адаптации в условиях изменчивой среды.

Ориентировка при этом является базовой задачей, поскольку обслуживает даже не потребности (которые могут иметь абстрактный

⁵ Подробно о полемике А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина см.: [А.Н. Леонтьев, 2001, с. 211–219] (дискуссия представлена с позиций, защищающих точку зрения А.Н. Леонтьева) и [Н.Н. Нечаев, 2003] (автор защищает позицию П.Я. Гальперина).

или случайный характер), а, в терминологии В.В. Давыдова, *нужды*⁶ индивида, т.е. цели, обеспечивающие его воспроизводство и выживание.

С помощью представления о психике как ориентировочной деятельности Гальперин решает проблему мостика между физиологией и психологией. Общая схема может быть представлена следующим образом. Биологическими целями организма являются выживание и воспроизводство. Для обеспечения этих целей в распоряжении организма имеется генетически заложенный рефлекторный механизм, который обеспечивает реактивное поведение в простых типовых ситуациях. Однако этот механизм, близкий к автоматизму, крайне негибок и ведет к гибели особи в случае изменения условий. Кроме того, он не позволяет упреждать ситуацию и действует только при актуальном наличии стимулов, предусмотренных пусковым механизмом конкретного рефлекса. Для адаптации в изменчивых условиях человеческий организм вырабатывает новый инструмент — ориентировочную деятельность (психику). Психика представляет собой возможность, которая реализуется различным способом в зависимости от условий, в которых протекает деятельность индивида. Психика имеет биологический и физиологический субстрат (согласно Гальперину, психику осуществляет мозг, однако это положение как не бесспорно, так и не принципиально) и осуществляется (воспроизводится индивидом) в качестве образного отражения жизненного мира индивида. При этом содержания психики дифференцируются и составляют систему значений, принципом образования которых исходно является практическое значение данного элемента (отношения) для субъекта психики. Как пишет сам Гальперин, «предметное содержание, открывающееся в образе, — это не только предметы, но и связанные с ними в прошлом опыте значения того, с чем и как должен считаться субъект в своем предметном действии» [П.Я. Гальперин, 1998, с. 268].

Что дальше происходит с психикой и ее содержаниями известно из работ Л.С. Выготского и А.Р. Лурия: наиболее устойчивые (инвариантные для множества индивидуальных деятельностных полей) значения закрепляются в языке и отчуждаются, приобретая относительно обособленный характер, что позволяет индивиду оперировать с присвоенным, непосредственно не пережитым опытом. В реальной исторической ситуации мы имеем сложное взаимодействие (взаимодетерминацию) деятельностного и языкового планов,

⁶ В.В. Давыдов специально различает потребность и нужду как, с одной стороны, случайный и индивидуальный и, с другой стороны, необходимый и видовой механизм формирования мотивации и детерминации деятельности (см.: [В.В. Давыдов, 2003]).

постоянно воздействующих на воспроизводство психики конкретного индивида. При этом степень воздействия каждого из этих планов в каждом конкретном случае различна (психика ребенка или полинезийского туземца в большей степени детерминирована структурой его операционной деятельности, а психика научного работника или политика определяется преимущественно языковым опытом).

Синтез концепций психики Л.С. Выготского и П.Я. Гальперина позволяет устранить разрыв между телесным и ментальным планами индивида. Однако, хотя данная версия деятельностного подхода позволяет сформировать представление об источнике и природе идеальных содержаний психики (абстракции различного уровня), она оставляет непроработанным вопрос о том, почему эти содержания именно таковы и какого рода правилам подчиняется их обнаружение и воспроизводство. Ведь сам по себе механизм интериоризации, ответственный за перевод «внешней», операциональной деятельности во «внутреннюю» психическую «деятельность в плане образа», не содержит ответа на вопрос о критериях отбора структурных инвариантов деятельностного поля, фиксируемых в структурах мышления. У Выготского за этот отбор отвечает язык, т.е., в конечном счете, культура; у Гальперина — обучение, форсирующее переход от материальных к образным и далее идеальным действиям. Обе модели предполагают культуру в качестве предпосылки развития психики и с трудом справляются с вопросом о возникновении самой культуры и первичном генезисе психики. И если для психологии индивидуального развития и педагогической психологии вопрос об историческом генезисе психических и социальных структур не является принципиальным (обе дисциплины имеют дело с миром, в котором общество и культура всегда уже существуют), то для методологии общественных наук этот вопрос оказывается определяющим. Если для развития индивидуальной психики всегда уже необходимы язык и социальные структуры, то дихотомия природное/социальное оказывается непреодолимой и перед общественными науками вновь возникает описанная в начале настоящей статьи дилемма: элиминативная редукция к предмету естественных наук или метафизическая герменевтика «понимающих» подходов (по оценке Леонтьева, именно этим завершилась творческая эволюция Выготского, а по оценкам Гальперина — развитие советской психологии в ее версии, развитой уже самим Леонтьевым).

Преодоление дихотомии природное/социальное (материальное/идеальное; физическое/психическое) требует демонстрации ясного

перехода между полюсами бинарной оппозиции, их взаимообусловленности и взаимопроникновения.

Уже в работах таких авторов, как А. Бергсон и М. Мерло-Понти, присутствует представление о взаимоопределенности человека и мира: обоих авторов связывает общая интуиция органической телесной встроенности индивида в мир, а также мысль о том, что именно телесное устройство индивида формирует базовую структуру его жизненного мира. Как пишет Бергсон, «предметы, окружающие мое тело, отражают возможное действие моего тела на них» [А. Бергсон, 1992, с. 169]. Существенно глубже тему телесной связи человека и мира развивает М. Мерло-Понти: «Места пространства не определяются в качестве неких объективных позиций по отношению к объективной позиции нашего тела, они очерчивают вокруг нас изменчивую линию границ наших намерений или жестов. Привыкнуть к шляпе, автомобилю или трости — значит, обустроится в них или, наоборот, привлечь к участию в объемности собственного тела» [М. Мерло-Понти, 1992, с. 193].

Мир очерчивает границы человеческого тела, человек изменяет эти границы, расширяет схему тела, обживает свой жизненный мир. Человек касается мира и так узнает о себе, а мир касается человека и так заявляет о себе — такова схема подвижной взаимообусловленности человека и его жизненного мира по версии М. Мерло-Понти.

Параллельно с философскими разработками подкрепляющие их результаты и сходные теоретические положения возникли в физиологии. Уже в 20-е гг. XX в. А.А. Ухтомский в рамках теории доминанты формулирует представление о физиологических значениях, которые приобретают для человека компоненты окружающей действительности. Согласно Ухтомскому, «принцип доминанты является физиологической основой акта *внимания и предметного мышления*» [А.А. Ухтомский, 2002, с. 46]. Доминанта, определяя состояние центральной нервной системы, связывается с неким индивидуальным образом, который затем может актуализировать ее. Под влиянием принципа доминанты «среда поделилась целиком на “предметы”, каждому из которых отвечает определенная, однажды пережитая доминанта в организме. Определенный биологический интерес прошлого. Я узнаю вновь внешние предметы, насколько воспроизвожу в себе прежние доминанты, и воспроизвожу мои доминанты, насколько узнаю соответствующие предметы среды» [там же, с. 48].

В дальнейшем двое совершенно разных ученых — Н.А. Бернштейн и Дж. Гибсон — в разное время, на разном материале и исходя из различных методологических предпосылок, независимо

друг от друга пришли к выводу, что экстероцепция и проприоцепция являются взаимоопределяющими процессами, т.е. что восприятие окружающего мира и восприятия себя неразрывно связаны [Н.А. Бернштейн, 1997; Дж. Гибсон, 1988; В.Н. Романов, 1997]. Как показали экспериментальные исследования, сокращение потока экстероцептивной информации приводит к сложностям в восприятии себя и, напротив, слабая проприоцепция всегда сопровождается потерей восприятия окружающего мира.

Тем самым внешний мир оказывался точкой отсчета для самовосприятия и, наоборот, восприятие внешнего мира обуславливается мной — моими перцептивными возможностями (люди не видят ультрафиолетовое излучение, но зато видят цвета, существующие лишь в психической реальности существ, обладающих цветным зрением) и моими адаптационными задачами, потребностями. То есть *я воспринимаю то, что имеет ко мне отношение*. При этом в роли первичного фильтра выступает физиологическая организация моих органов восприятия, заранее отсекающая заведомо лишнюю информацию. Однако что выступает в роли вторичного фильтра, отвечающего за отбор существенного и игнорирование бесполезного в данный момент?

В роли этого второго фильтра выступает та самая ориентировочная деятельность, о которой шла речь выше. Задача ориентировки и обеспечения деятельности приписывает содержаниям восприятия определенные значения, рассматривая их как знаки локомоторных возможностей субъекта. Основной задачей при этом является использование полученной информации для ограничения степеней свободы, которыми обладает моя локомоторная система: «Координация движений есть преодоление степеней свободы движущегося органа» [Н.А. Бернштейн, 1997, с. 355]. Тем самым действительность приобретает смысл еще до всякого мышления и значение еще до всякого языка. Эти исходные значения, которыми наделены для нас компоненты жизненного мира, воспринимаются непосредственно и не требуют декодирования, поскольку отсылают непосредственно к нашим телесным возможностям и меняются вместе с их изменением.

Мир соотносится с нашим телом, предоставляя нам определенные возможности (и включая наше тело как предоставляющее определенные возможности другим телам) и конституируя наше индивидуальное тело как определенную относительно устойчивую стратегию осуществления этих возможностей. «Конституирование субъекта как отдельной и определенной самости следовало бы рассматривать лишь постоянно возобновляющимся процессом структуризации модальной реальности, характеризующейся своей

особой пространственно-временной морфологией. Постоянно регенерирующий и наследующий сам себе субъект имеет место быть лишь постольку, поскольку предметный мир, постоянно предоставляя возможности по развертыванию двигательной активности и, трансформируясь таким образом в окружающий, непрерывно задает и определяет его место в нем», — утверждает В.Н. Романов [В.Н. Романов, 1997, с. 100]. При этом «модальная реальность значений-возможностей, соответствующая моей родовой субъективности, конституируется без посредства каких бы то ни было языковых средств» [там же, с. 111].

В процессе движения внутри окружающего мира мы в порядке ориентировки воспринимаем предоставляемые этим миром возможности, т.е. информацию. «Извлечение информации не мыслится здесь как передача сообщения, — пишет Дж. Гибсон. — Мир не разговаривает с наблюдателем. <...> Информация не передается. Она просто там есть» [Дж. Гибсон, 1988, с. 343]. Речь идет об информации о возможностях нашего тела. Эта информация не похожа на языковую, поскольку не нуждается в расшифровке, адресуясь непосредственно к телу в силу соотнесенности окружающего мира с телом и сообщая телу позицию, описываемую через набор доступных в данный момент локомоторных возможностей. Так, стул представляет собой знак определенного положения тела, определенной локомоторной схемы. «Для меня сидение на нем есть строго маркированное событие, состоящее в том, что члены моего тела занимают по отношению друг к другу вполне определенную позицию с характерным распределением нагрузки. Это особое положение, задаваемое и подтверждаемое каждым конкретным стулом, фиксируется моими проприоцептивными механизмами. И уже здесь, на уровне проприоцепции, происходит их обобщение, то есть извлекается тот самый моторно-топологический инвариант, связанный с распределением нагрузки, угловыми смещениями суставов и т.п., который образует для меня обобщенное значение стула... — пишет В.Н. Романов. — Подчеркиваю, не я обозначаю стул, прибегая к каким-либо внешним и посторонним символам, а, скорее, он сам обозначает меня, регулярно отсылая к моей конкретной и маркированной им самим телесно-двигательной возможности» [В.Н. Романов, 1997, с. 102].

Телесный индивид видит действительность как совокупность (моторных) возможностей, а действительность открывает ему эти возможности как «вписанные», «встроенные» в его телесную структуру: «Информация, задающая полезность окружающего мира, сопутствует информации, задающей самого наблюдателя — его тело, руки, ноги, рот. Это только лишний раз подчеркивает, что эксте-

роцепция сопровождается проприоцепцией, то есть что воспринимать мир — значит одновременно воспринимать самого себя» [Дж. Гибсон, 1988, с. 209].

Ориентируясь на представление о психике как адаптационном инструменте, представляющем собой «ориентировочную деятельность в плане образа» и формирующемся в результате интериоризации структуры жизненного мира, представляющего собой динамическую систему возможностей телесного субъекта, мы можем выделить несколько этапов развития психики, описывающих как устройство психики конкретного человеческого индивида, так и историческое развитие психического как особого типа реальности.

Базовым уровнем развития психики и, соответственно, семантической организации мышления является система физиологических, локомоторных возможностей индивида. Первоначально действительность осваивается и обживается индивидом посредством движения в ней и приспособления своих движений к ее устройству (и наоборот). Этот уровень значений не нуждается в специальной мнемонической фиксации, поскольку его воспроизводство обеспечивается устойчивостью нашей физиологической организации и устойчивостью среды. Попросту говоря, уровень базовой семантики находит нас сам, нам не нужно знать базовые значения (исключая тот случай, когда речь идет о предметах, никогда не встречавшихся нам в нашем жизненном мире), поскольку они сами заявляют о себе: стул распознается в качестве такового не потому, что мы «знаем», что это «стул», а потому, что он указывает на конкретную возможность нашего тела, всегда уже в нем присутствующую в виду его физиологического устройства. Иными словами, восприятие информации на уровне базовой семантики является непосредственным и носит незнакомый характер, поскольку знак и значение здесь составляют неразрывное единство в форме определенного отношения (локомоторной схемы либо кинематической цепи) индивида и выступающего в качестве источника информации объекта.

По всей видимости, в рамках базового уровня семантики можно выделить специфический слой значений, обладающий большей сложностью и существенно большей индивидуацией. Речь идет о так называемых перспективных возможностях объектов — свойствах, которые могут проявиться при взаимодействии с объектом. Перечень такого рода свойств составляет предмет специального исследования, можно лишь сказать, что этот перечень задается, по выражению Е.Ю. Артемьевой, «адаптационными координатами» («опасный — неопасный» и т.п.) [Е.Ю. Артемьева, 1999]. В отличие от локомоторного слоя значений (моторно-топологические

инварианты), этот второй слой не является непосредственным, однако значения, которыми он располагает, также детерминируются физиологической организацией индивида, что позволяет отнести его к базовому уровню семантики.

Вторым уровнем семантической организации психики является собственно языковой уровень, на котором располагаются значения, зафиксированные в естественном языке и представляющие собой инварианты интериоризации компонентов деятельностных структур, значимых для всего языкового сообщества или большей его части. Этот уровень существует в тесной связи с базисным и включает последний в свой цикл воспроизводства. Базисный уровень является источником семантических ядер, составляющих основу языковой семантики. Слово остается понятным до тех пор, пока оно обладает базовой семантикой, т.е. может быть описано в терминах локомоторных возможностей и телесных потребностей индивида. Это не значит, что значение слова исчерпывается его базовой семантикой, однако именно последняя является условием *sine qua non* для понимания.

Наконец имеется третий, наиболее динамичный уровень семантической организации психики, располагающийся между базисным и лингвокультурным. Этот уровень создается и воспроизводится в ходе коммуникативных взаимодействий и непосредственно связан с *контекстом межличностного общения*.

На специфический характер ситуации общения, ее качественную специфику и принципиальную несводимость к любым другим формам деятельности обратил внимание Б.Ф. Ломов. Вступив в активную полемику с А.Н. Леонтьевым, он утверждал, что «совместная деятельность обладает особыми качествами, которые определяются качествами (и уровнем) ее субъекта; общение же выступает как условие (и способ) формирования этого субъекта» [Б.Ф. Ломов, 1996, с. 159].

Причиной для выделения общения в самостоятельную категорию является тот факт, что, в отличие от моносубъектной ситуации отношения индивид—среда, в ситуации общения (коммуникативного *взаимодействия*) обе стороны активны и целенаправленно воздействуют друг на друга. Этот момент и подчеркивает Ломов: «Любой акт непосредственного общения — это не просто воздействие человека на человека (хотя и этот вариант не исключен), а именно их *взаимодействие*. Процесс общения строится как система сопряженных актов» [там же, с. 169].

Качественное своеобразие ситуации коммуникативного взаимодействия состоит в том, что в нем всегда формируется специфический семантический слой. Участники, с одной стороны, адаптируют

лингвокультурную семантику к текущей ситуации взаимодействия, а с другой — привносят в жизненный мир друг друга новые возможности, т.е. воздействуют на базовый уровень. Такого рода микросоциальные семантики (в простейшем случае — семантика «для двоих», например, приватный язык влюбленных) могут разрастаться и приобретать устойчивость в тех случаях, когда взаимодействие носит стабильный характер. Примерами такого рода семантик изобилуют частные переписки близких друзей и родственников, где присутствуют понятные только их участникам метафоры, слова и даже целые локальные мифологии. Если коммуникативное взаимодействие было кратким и носило случайный характер, данный семантический слой остается неразработанным и быстро исчезает (как правило, одновременно с прекращением коммуникации). Поскольку данный уровень семантики всегда связан с конкретной ситуацией межличностного взаимодействия, его можно назвать *ситуационным*.

Три уровня семантики, которые мы выделили, — базисный, лингвокультурный и связывающий их ситуационный — в целом согласуются с предложенной П.Я. Гальпериным классификацией уровней действия: «Самый внешний уровень — это материальный, потом идет промежуточный, очень своеобразный, только у человека имеющийся уровень — речевой, потому что речь имеет материальную основу. <...> И, наконец, следующий уровень — это уровень умственный... И эти основные уровни являются как бы шлюзами, по которым мы поднимаем действие с материального уровня на речевой и дальше на умственный» [П.Я. Гальперин, 2000, с. 61].

Таким образом, понятие деятельности как основы построения теоретических моделей в общественных науках приобретает содержательную определенность. Она представляет собой сложный инвариант специфически человеческого поведения, изначально существующий в форме моторной адаптационной активности, опосредованной инструментальной модальностью жизненного мира (присутствием мира в форме системы возможностей тела и «я» как устойчивой стратегии, инвариантного центра осуществления этих возможностей). Понятая таким образом деятельность позволяет ввести представление о социальной действительности как системе взаимодействий жизненных миров, преобразующейся на индивидуальном уровне в субъективные психосемантические пространства (психика, взятая с точки зрения содержания), а на коллективном — в различные формы объективации памяти (в «культуру»).

Заметим, что деятельностный подход позволяет одновременно связать и различить «естественно-научный» мир действительности, существующей независимо от человека, и «социальный» мир

собственно человеческой действительности, не вводя это различие как онтологическое и не исключая из социальной реальности материальные объекты. Последние в развертывающейся деятельности становятся инвариантами структуры возможностей, которая описывает «человекомерный» жизненный мир (в отличие от нейтрального «окружающего мира» естественных наук, совпадающего с жизненным миром по материальной организации). Социализация реальности, преобразование физического пространства в жизненный мир начинаются с индивидуального телесного опыта, с фиксации моторно-топологических инвариантов в ходе ориентировочной деятельности и заканчиваются объективацией иерархически организованных структур опыта и систем взаимодействия, оформляющихся в виде институтов, информационных хранилищ и коммуникативных средств, порождающих новые формы взаимодействий, новые типы ориентировочной деятельности и стандарты адаптивного поведения.

Тем самым деятельностный подход позволяет преодолеть ментализм «понимающих» стратегий в общественных науках и кажущуюся замкнутость идеальных структур, понимаемых здесь как превращенные формы предметно-материальной деятельности. С другой стороны, преодолеваются и недостатки редуктивных исследовательских программ, опирающихся на естественно-научные модели и не способных полноценно концептуализовать предметную специфику общественных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артёмьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.
- Бергсон А.* Материя и память // Бергсон А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1992. Т. 1.
- Бернштейн Н.А.* Биомеханика и физиология движений. М., 1997.
- Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005.
- Валлерстайн Э.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2003.
- Вархотов Т.А.* Картезианская антропология как эпистемологическая рамка современной философии сознания // Философия сознания: классика и современность. М., 2007.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. М., 1999.
- Гальперин П.Я.* Психология как объективная наука. М., 1998.
- Гальперин П.Я.* Психология: 4 лекции. М., 2000.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
- Давыдов В.В.* Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности // Вопросы психологии. 2003. № 2.
- Дильтей В.* Собр. Соч.: В 6 т. / Под ред. А.В. Михайлова. М., 2000.
- Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.

- Латур Б.* Когда вещи дают отпор // Социология вещей. М., 2006.
- Латур Б.* Пересборка социального. М., 2014.
- Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
- Леонтьев А.А.* Деятельный ум. М., 2001.
- Ломов Б.Ф.* Системность в психологии. М., 1996.
- Лурия А.Р.* Язык и мышление. М., 1998.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. М., 1999.
- Нечаев Н.Н.* А.Н. Леонтьев и П.Я. Гальперин: диалог во времени // Вопросы психологии. 2003. № 2.
- Орлов А.Б.* А.Н. Леонтьев — Л.С. Выготский: очерк развития схизиса // Вопросы психологии. 2003. № 2.
- Романов В.Н.* Исповедь научного работника, или Утешение методологий // Три подхода к изучению культуры. М., 1997.
- Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб., 2002.
- Ярошевский М.Г.* Наука о поведении: русский путь. М., 1996.
- Cartwright N.* Ceteris paribus laws and socio-economic machines // Monist. July. 95. Vol. 78. Issue 3.
- Dennett D.* Consciousness explained. Boston, 1991.
- Gillen J.* Versions of Vygotsky // British Journal of Educational Studies. 2000. June. Vol. 48. N 2.
- Knorr-Cetina K.* The micro-sociological challenge to macro-sociology: towards a reconstruction of social theory and methodology // Advances of social theory and methodology: Towards the integration of micro- and macro-sociologies. L., 1981.
- Lima E.S.* Vygotsky in the international scene: A brief overview // Anthropology & Education Quarterly. Vol. 26. N 4. Vygotsky's cultural-historical theory of human development: An international perspective. Dec. 1995.
- Morgan M.* Experiments versus models: New phenomena, inference and surprise // Journal of Economic Methodology. 2005. June. Vol. 12. N 2.
- Searle J.* The mystery of consciousness. N.Y., 1997.
- The economic world view: Studies in the ontology of economics / Ed. by U. Mäki. Cambridge University Press. 2001.